

— Хочешь стать настоящим божеством?

Мироздание с мягкой улыбкой наблюдало за Сатору Годжо, который вальяжно растянулся на облаке и лениво дрейфовал по бескрайнему пространству. Бесплотный разум послушно следовал за каждым его движением, плавно скользя сквозь пустоту.

На столь величественное предложение Сатору лишь лениво зевнул, всем своим видом показывая полнейшее равнодушие.

Закидывая ногу на ногу, он заворожённо разглядывал плывущую перед ним туманную дымку. Его пальцы безостановочно перебирали клубящееся облако, забавляясь со струящейся внутри него странной, неведомой силой.

— Богом? — Сатору вдруг что-то вспомнил. Он мгновенно перевернулся на живот и с искренним любопытством спросил: — Сильнее, чем этот старик Один? Слушай, а мне позволят оседлать его и рулить, куда вздумается? Меня жутко интригует его дурацкий шлем и эта вечная повязка на глазу!

— Нельзя, — невозмутимо отозвался невидимый собеседник. — Один — Всеотец. Его власть в Девяти мирах абсолютна, и своего величия он добился сам. Максимум, на что ты можешь рассчитывать — это равное с ним положение.

Сатору разочарованно скривил губы. Закинув руки за голову, он принялся безучастно созерцать, как сотканные из непонятной материи облака медленно кружат в вышине.

— Тогда не надо, — протянул он капризным, ленивым тоном. — Если даже такая малость невозможна, то какой вообще резон становиться богом?

— Проехали, проехали, — махнул он рукой и поглубже зарылся в мягкую, податливую перину облака, устраиваясь поудобнее.

— И всё же, обретя божественность, ты получишь то, чего у тебя никогда не было, — Мироздание соткало себе облик благообразного старца с умиротворённым лицом. Он мягко посмотрел на юношу. — Неограниченную силу, абсолютную власть и вечный покой от чьих-либо посягательств. Ты станешь сильнейшим в самом подлинном, неоспоримом смысле этого слова.

Мироздание оставалось лишь сводом незыблемых законов — оно не имело права насильно вмешиваться в судьбу живого существа.

— Сильнейшим в подлинном смысле? — Сатору вызывающе, дерзко усмехнулся. — Старик, единственный, в кого я верю до конца — это я сам, а вовсе не какие-то там высшие силы. Премного благодарен за щедрость, но мне дарованное кем-то величие даром не нужно.

Он перевёл взгляд на собственные ладони. Вокруг его пальцев, переплетаясь с проклятой энергией, тонкой вуалью струились нити пространственно-временных законов.

— К тому же, — он тихо хмыкнул, — мне и так всего хватает.

— Всё, что положено иметь обычному человеку, у меня есть. А всё, чему люди привыкли завидовать, я и так держу в руках.

Сатору уставился в бесконечную высь. В его обычно колючих, пронзительных глазах промелькнула тёплая, щемящая ностальгия. В этот миг грозный и недостижимый сильнейший маг-заклинатель внезапно показался удивительно мягким, почти уязвимым.

— Они приручили тебя, — старец опустил рядом с ним на край облака. В его глазах застыла вековая печаль, которую не смогли бы расшифровать даже Шесть Глаз. Бесконечные эпохи наложили на его облик неизгладимый отпечаток, и голос его прозвучал глухо, словно эхо из заброшенной шахты времени: — Они приручили тебя и заставили остаться в этой мирской суете.

— Мы приручили друг друга, — мягко поправил его Сатору.

— Но в них нет ничего особенного. Для тебя они должны быть точно такими же, как и миллионы других смертных.

Тем более что с даром Шести Глаз Сатору изначально отделяла от них непреодолимая пропасть.

— Знаю, — не стал спорить Сатору.

Он говорил тихо, и в его голосе сквозило то ли притворное ворчание, то ли скрытая гордость.

— Брюс — невыносимо упрямый, скрытный и колючий тип. Из него нормального слова не вытянешь, а за свои моральные принципы он держится мёртвой хваткой. Сугуру — тот ещё зануда и консерватор, которому вечно нужно искать глубинный смысл в каждом своём шаге. Я, например, ем сладости просто потому, что мне вкусно, а он обязательно начнёт бубнить, что еда нужна исключительно для восполнения энергии. Оба они — самые обычные люди, у каждого вагон недостатков, и им, разумеется, бесконечно далеко до такого красавчика, как я.

Он беззлобно подшучивал над ними, но в этих словах крылась безграничная нежность. Подмигнув старцу, Сатору весело хмыкнул:

— Если бы мне в детстве кто-нибудь сказал, что самыми дорогими для меня людьми станут эти двое упрямцев, я бы счёл его сумасшедшим и велел нашему старому дворецкому вышвырнуть наглеца за ворота. Но они подарили мне своё время, а я разделил с ними свою жизнь. И это

сделало их для меня единственными во всей Вселенной.

— Знаешь, Шесть Глаз — это адски утомительно, — Сатору снова растянулся на спине, уставившись в потолок из облаков. — Я вижу мир так, словно нахожусь в каком-то ином измерении. Постоянно созерцаю общую картину бытия, но из-за этого безумного потока информации так сложно разглядеть простые мелочи. Но Брюс и Сугуру... Они для меня как звёзды, которым я сам дал имена. Для всех остальных это просто далёкие светящиеся точки на ночном небе, затерянные среди миллиардов точно таких же. Но для меня они — особенные.

Он принялся увлечённо загибать пальцы, перечисляя свои сокровища, и пока он без умолку болтал, его глаза сияли первозданным, неземным светом.

Сравнивать их с драгоценными камнями было бы слишком дёшево. Эти глаза походили на бескрайнее, кристально чистое весеннее небо, в глубине которого плавно пульсировал сам ритм зарождающейся жизни.

— Раз уж они удержали меня здесь, им теперь нести за меня ответственность. Разве могу я вот так просто взять и уйти?

Мироздание тихо, беззлобно рассмеялось.

Старец проводил взглядом Сатору, который небрежно взмахнул ладонью на прощание и неторопливо направился к выходу из этого странного пространства.

— То, что уже свершилось, невозможно переписать, — донёсся до него тихий, предостерегающий шёпот старца. — Прошное не терпит вмешательства. Любое изменение устоявшейся реальности повлечёт за собой катастрофу.

— Знаю я, знаю, — отозвался Сатору, даже не обернувшись.

Законы времени упрямы и линейны. Его недавнее перемещение в самое начало трагедии увенчалось успехом лишь потому, что так было предрешиено самим течением времени. Попытайся он сейчас ворваться в родной магический мир и насильно переписать прошлое, это неизбежно спровоцировало бы пространственный коллапс. Тогда речь шла бы уже не о спасении близких, а о полном уничтожении вселенной.

Разумеется, он прекрасно это понимал.

Сатору на секунду замер, но тут же упрямо зашагал вперёд с удвоенной силой. Ему вдруг нестерпимо захотелось увидеть Брюса.

Как только его силуэт окончательно растворился в белёсой мгле, безмолвное пространство наполнилось многоголосым шёпотом.

— Ну вот, опять ты его разбаловал! — заворчал один из невидимых голосов, обращаясь к старцу. — А ведь он мог остаться здесь и занять своё законное место среди пантеона.

— Ой, да ладно тебе, будто сам его не баловал, — съязвил другой голос. — Кто кричал больше всех, что обожает его невыносимый характер и эту царственную спесь?

— Он просто особенный ребёнок, — мягко примирило их Мироздание. — Рано или поздно он всё равно вернётся к нам. Дитя божье — это ведь не просто красивый эпитет.

Голоса согласно зашелестели, затихая.

— Что ж... пусть тогда побудет счастливым там, внизу.

Благословение самого Мироздания, древняя забота угасающих звёзд вновь опустилась на плечи Сатору Годжо невидимым защитным покровом. Эту негласную опеку он нёс в себе с самого рождения, и она лишь крепла с тех пор, как он оказался в чужом мире. Заслуженная награда тому, кто спас миллионы невинных душ от небытия.

Из-за отсутствия должного опыта насильственное пробитие пространственно-временных врат спровоцировало небольшую локальную бурю. Впрочем, бушевала она всего пару секунд. Шквалистый вихрь успел изрядно взъерошить волосы Сатору, так что густая белая челка плотным слоем залепила ему лицо.

С абсолютно каменным выражением лица он сдул прилипшие к губам пряди и всерьёз задумался о том, что причёску пора бы укоротить. Пожалуй, завтра стоит попросить А-Фу взяться за ножницы.

Готэм

Когда он вернулся, город уже давно спал. Ночь укутала улицы плотным чернильным саваном. В этом Богом забытом месте даже звёздный свет казался редкой роскошью. Окутанный полумраком Готэм дышал глухой, зловещей пустотой; казалось, жизнь здесь давно угасла.

Сатору в нерешительности замер на крыше поместья Уэйнов. Он простоял так несколько минут, пока тишину наконец не прорезал далёкий, приглушённый треск пистолетных выстрелов. Облегчённо вздохнув, парень легко спрыгнул вниз.

Вот это уже больше похоже на настоящий Готэм. А то тишина стояла прямо-таки пугающая.

В самом особняке и даже глубоко под ним, в Бэтпещере, царила мертвенная пустота. А-Фу тоже нигде не было. Сатору бросил взгляд на часы — три часа ночи. Самый разгар патрулирования, так что отсутствие Брюса и ребят его не удивило, а вот исчезновение верного

дворецкого оказалось полной неожиданностью.

Взмыв в ночное небо, он заскользил взглядом по шпилям высоток и вскоре заметил на одной из излюбленных каменных горгулий неподвижную фигуру. Из темноты отчётливо проступали знакомые «ушки» бэт-маски.

Бэтмен неподвижно замер над бездной, бдительно всматриваясь в раскинувшийся внизу мегаполис. Его взор был тяжёл и мрачен. Широкий чёрный плащ яростно полоскался на пронизывающем ветру, напоминая бушующие волны тёмного, штормового моря.

Некоторое время Сатору просто стоял позади, любясь мощной спиной отца. Наконец он бесшумно скользнул вперёд и опустился на корточки прямо на уступ горгульи. Поймав ошеломлённый взгляд Бэтмена, парень расплылся в своей фирменной, шкодливой улыбке.

— Йо! Я вернулся!

Сатору внутренне приготовился к бурной лекции или, в худшем случае, к увесистой затрещине. Всё-таки своим исчезновением он перепугал всё семейство до полусмерти.

Однако Брюс лишь молча застыл, во все глаза глядя на него. Стальной взор блуждал по лицу приёмного сына, словно пытаясь убедиться, что это не галлюцинация. Медленно, бережно, Бэт-когть опустился на макушку Сатору. Брюс мягко взъерошил белые волосы, а затем аккуратно убрал со лба отросшую чёлку, открывая небесно-голубые глаза.

В этом жесте сквозила непривычная, обезоруживающая нежность.

— Отросли знатно, — негромко произнёс Бэтмен, и голос его прозвучал неожиданно мягко. — Завтра попроси А-Фу подровнять.

Сатору опешил. Он слегка склонил голову набок, внимательно вглядываясь в усталые черты лица Брюса Уэйна, словно заново запечатлевая их в памяти. Напряжение окончательно покинуло его, и он тихо выдохнул:

— Ага.

— А-Фу сейчас присматривает за Диком и остальными, — продолжил Брюс. — Ребята сменили меня на Сторожевой Башне. Они изучают то оружие, надеясь снова запустить портал и отыскать тебя.

— Понимаю.

— Тони всё-таки отыскал родителей. В какой-то скрытой стране под названием Ваканда. С

Говардом и Марией всё в порядке, они целы и невредимы.

— Я знаю.

Обычно неразговорчивый Бэтмен сегодня изливал душу с поразительной откровенностью. Сатору послушно сидел перед ним, жадно впитывая каждое слово и восстанавливая в памяти хронологию событий за те четыре недели, что его не было дома.

Вдруг Сатору мягко прервал его затянувшуюся речь.

— Брюс, — позвал он. Парень протянул руку, указывая на одинокую яркую звезду, которая медленно пробивалась сквозь плотную пелену готэмских туч. — Посмотри, какая красивая звезда.

Брюс на секунду замолчал, проследив за его пальцем.

— Красивая.

— Вот и ты у меня такой же. Невероятно красивый. Я чертовски сильно тебя люблю и ни на что на свете не променяю.

—?

— И ещё кое-что, — Сатору поднялся на ноги. Смущённо потеряв кончик носа, он зажмурился и сделал широкий шаг вперёд, крепко обнимая своего приёмного отца.

Тактильные ощущения от тяжёлой бэт-брони были далеки от приятных. Холодная, угловатая, безжалостно врезающаяся в рёбра сталь — идеальное отражение самого Брюса Уэйна, который надёжно спрятал уязвимую человеческую душу за неприступным металлическим панцирем.

Но Сатору обнимал не доспехи. Он прижимал к себе израненное сердце своего отца и тепло улыбался.

В глубине его глаз колыхалось бездонное лазурное море.

— Я дома, Брюс.

Брюс на мгновение оцепенел. Затем его руки медленно приподнялись и, пусть немного неуклюже, но невероятно крепко прижали Сатору к себе. Так прижимают величайшее сокровище, которое уже отчаялись вернуть.

— С возвращением, — тихо выдохнул он.

Вдруг в наушниках Бэтмена затрещало. Зашипел закрытый канал связи Бэт-семейства, объединяя в единую защитную сеть голоса Дика, Джейсона, Тима, Дамиана, Барбары, Кассандры, Стефани... Все они незримо выстроились за их спинами, создавая самый надёжный тыл.

— С возвращением, Белый Ворон! — хором отозвался эфир.

Сатору, всё ещё не выпуская отца из объятий, удивлённо моргнул. Затем он шутливо салютовал двумя пальцами пустоте и весело крикнул в микрофон:

— Йо, народ! Я вернулся!

<http://bllate.org/book/19544/2004523>